

Готовцева Л. М., Николаева Т. Н., Прокопьева А. К.

БАЗОВЫЕ БИНАРНЫЕ КОНЦЕПТЫ КАК ФРАГМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЯКУТОВ

В данной статье рассматриваются бинарные концепты ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ, ДОБРО/ЗЛО, СВОЙ/ЧУЖОЙ в якутском языке с одной стороны, как базовые культурные концепты, а, с другой стороны, как представления о составляющих данной оппозиции с идиоэтническим смысловым наполнением. Предпринята попытка выделить по данным словарей составляющие понятийное содержание бинарных концептов и выявить определяемые признаки этих оппозиций, присутствующих в традиционном представлении якутов и репрезентированных в языковом пространстве этноса. Концептуальный анализ позволил выделить и описать набор дифференциальных признаков указанных противопоставлений как фрагментов языковой картины мира. Дальнейшее исследование бинарных оппозиций видится в выявлении их языковой репрезентации на материале фольклорных, художественных текстов и других тюркских языков.

Ключевые слова: якутский язык; концепт; бинарная оппозиция; концептуальный анализ; языковая картина мира.

Исследования, касающиеся базовых концептов, неразрывно связанных с каждой культурой, представляют значительный интерес, так как вносят немалый вклад в понимание ментальности народа – носителя языка. Изучение концепта в рамках когнитивной лингвистики позволяет объяснить специфику категоризации действительности посредством естественных языков. Вслед за М. В. Пименовой, концепт рассматривается как «совокупность признаков, представляющих в языковых знаках фрагмент мира или часть такого фрагмента» (Пименова, 2013: 161).

Целью статьи является выявление и описание концептуальных признаков, формирующих структуру базовых бинарных противопоставлений в якутской языковой картине мира.

Материалом исследования послужили данные, полученные методом сплошной выборки из этимологического, толкового, фразеологических словарей якутского языка, фольклорных, этнографических источников. Мы попытаемся по данным словарей выявить концептуальные признаки фундаментальных базовых оппозиций, присутствующих в традиционном представлении якутов и репрезентированных в языковых единицах.

Когнитивное моделирование бинарной оппозиции ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ позволяет систематизировать понимание жизни и смерти, с одной стороны, как базовых культурных концептов, а, с другой стороны, как представлений о составляющих данной оппозиции с идиоэтническим смысловым наполнением.

В языковой картине мира якутов концепт ЖИЗНЬ репрезентируется такими лексемами, как *олох* и *тыын*. В лексикографических источниках эксплицированы следующие семы *олох* 'жизнь, житие, жительство' (Пекарский, 1959: 1824), 'жизнь, жизнедеятельность человека' (БТСЯЯ, 2010: 269) и *тыын* 'дыхание; жизнь, душа, дух (*ср. кут, сур, дууһа*)' (Пекарский, 1959: 29480), (*ср. тюрк. тыын* 'дыхание, жизнь, дух, жизнь, душа').

На основе концептуального анализа слов, сочетаний слов, фразеологизмов, пословиц и поговорок были определены следующие признаки концепта ЖИЗНЬ:

В ядре концепта ЖИЗНЬ представлены универсальные знания человека о жизни, которая предстает как *олох суола* 'дорога жизни', имеющая два конца: начало – рождение человека и конец – его смерть (Бравина, 1996: 59). По представлениям якутов, рождение человека *кэлиш* 'приход' связано с понятием ийэ кут (мать-души) (Романова, 1992: 71). Ийэ кут – основа основ не только человека, но и всех живых существ. Начало жизни репрезентируется фразеологической единицей (ФЕ) *күн сириҥ көр* 'родиться, увидеть свет'. Якуты считали, что человек

пребывает на земле временно, жизнь его кратковременна, быстротечна: *Мутугунан бырабар мунур үйэ* 'век, жизнь человека' (букв. век с концом, как расстояние до отброшенного сука). Понимание жизни как процесса, который не повторяется и быстро проходит, находит свое отображение в выражении: *Kuhi үйэтэ аттаах кихи түннүгүнэн элэс гынан ааһарын курдук*. 'Век человека подобен промельканию в окне всадника' (т.е. так коротка жизнь человека). Пребывание на этом коротком отрезке бытия являлось основной ценностью для человека. Старики, сожалея об уходящей жизни, говорили: *иннэ чугаһаан, кэннэ ыраатан иһэр* 'дорога (жизни) спереди стала короче, а сзади – длиннее'.

Жизненный путь якута очень сложен, многогранен, ему присущи радости и невзгоды земной жизни. Об этом свидетельствуют единицы, представляющие приядерную зону концепта.

Данную зону составляет качественная характеристика понятия «жизнь» по семной дифференциации: **богатая жизнь**: *олонхо олобо* 'очень богатая, изобильная жизнь' (букв. жизнь как в олонхо). По представлениям якутов, *байылыат олох* 'зажиточная жизнь' включала такие составляющие: *үрдүк өһүөлээх* 'иметь жилье с высокой матицей', *сыанан эмсэхтэммит* 'постоянно употреблять жирное', *кискэ кистэммит, саарбаба сууламмыт* 'прятаться в соболях'. Жизненные ценности оценивались максимальным удовлетворением базовых потребностей человека: крова, еды и одежды (Бравина, 2005: 104); **легкая, беззаботная жизнь**. Родовитые якуты жили в себе в удовольствие и проводили праздный образ жизни, о чем свидетельствуют фразеологизмы: *Омоллоон олобо, Дьэргэстэй ыһыаба* 'веселая и расточительная жизнь'; *күн ыаһабын ыытар* 'проводить время в развлечениях'; **бедная жизнь**: *аастуор олох* 'голодное существование', *ыал устун бар* 'пойти по миру; нищенствовать'; **тяжелая жизнь**: *өрүс долгуннаах, олох очурдаах* 'река с волнами, жизнь с ухабами', *олох очуругар обустарда* 'терпеть неудачи в жизни' (букв. он ударился о выбоины жизни); **спокойная жизнь**: *нус-хас олох* 'спокойствие'; **активная жизнь**: *өлөр да солото суох* 'занят по горло' (букв. и умереть некогда)'.

Концепт «СМЕРТЬ» в якутском языке представлен такими лексемами, как: «Өлүү» **I**. 1. Конец жизни, смерть. 2. Заразная болезнь, эпидемия. 3. Беда, горе, несчастье (БТСЯЯ, 2010: 425–426), (от *тюрк. öl+ү*); «Өлүү». **II**. Часть, доля, достающаяся кому-л. при дележе. (ср. *алт. үлү, др.-тюрк. үлүг* 'доля, часть') (БТСЯЯ, 2010: 427); «Өлүү» 1. Умирание, смерть, гибель, погибель, смертность; 2. Болезнь, боль, хворь, зараза; 3. Падеж, чума; 4. Беда, бедствие, несчастье, вред (Пекарский, 1959: 1938).

Ядро концепта СМЕРТЬ связана с представлениями о веке как о сроке – человеческой жизни (ср. *өлүү* 'доля', 'смерть'), на протяжении которого расходуется отпущенная каждому человеку жизненная энергия, т.е. она воспринималась как предопределение (Бравина, 2005: 160–161). Смерть вербализована как нечто неизбежное, с чем нужно смириться: *өлүү – кихи куоппат иһэ* 'смерть – неминуемая участь человека'; *өлбөт-сүппэт туох баарый? Бэл үөн-курдьэбэ өлөр, бэл от-мас сытыйар*. 'Что есть бессмертного? Даже насекомые умирают, даже травы и деревья гниют'.

У якутов в силу различных мифологических верований, суеверий получило широкое употребление фразеологизмов в прикрытой, смягченной форме: *суох буолла эвф.* 'скончаться' (букв. его не стало); *куһабан буолла эвф.* 'умереть, погибать' (букв. стал плохим).

Приядерную зону составляют представления о смерти: **как уход в иной мир**: *анараа дойдуга барда* 'отправляться на тот свет', *ол дойдуга барда* 'отправляться на тот свет'. Считают, что *ол дойду* исходило из того «видения» древних якутов, которые представляли загробную жизнь похожей на земную, со всеми радостями и невзгодами (Нелунов, 2002: 192), потому, «снаряжая покойника в дальнюю дорогу, сородичи обеспечивали его самыми необходимыми предметами, без которых он не мог обойтись в пути и на новом месте жительства» (Константинов, 1971: 156). *Анараа дойду* связано с другим религиозно-мистическим представлением

загробного мира как ада, страны, населенной чертями (Нелунов, 2002: 193); **как исчезновение**: *күн сириттэн сүттэ* 'уйти из жизни, покинуть землю', *имниин эхиннэ* 'бесследно исчезнуть, погибнуть'; **как прерывание жизни**: *тыына быһынна* 'испускать последний вздох' (букв. дыхание его прервалось); **как лишение чего-л.**: *күн сырдыгыттан (сириттэн) матта* 'отойти в мир иной' (букв. лишился солнечного света). Солнечный свет в мифологической традиции является важнейшей характеристикой земного мира, населенного живыми людьми, т.е. человек умер и, следовательно, не принадлежит более этому миру (Бравина, 2005: 161).

Периферию обуславливают следующие факторы отношения человека к «смерти»: **«хорошая» (достойная) смерть**: *киһилии өлүү* 'смерть по-человечески'. «Хорошей» смертью считалась спокойная смерть в преклонном возрасте в кругу семьи, сородичей: *сиэбин сиэбит, аһыабын аһаабыт* 'скушал, попробовал на вкус все, что отпущено судьбой'; **«дурная, нехорошая» смерть**. «Нехорошей» смертью считался преждевременный уход из жизни: *быстах ыйаахтан* 'умереть преждевременно, рано' (букв. иметь случайное предназначение). Самоубийство, убийство и смерть в результате несчастного случая считается также «дурной, нехорошей» смертью: *бэйэтигэр тиийиннэ* 'накладывать на себя руки, кончать жизнь самоубийством', *сор суоланна* 'погибать преждевременно, обычно от несчастного случая'. **«Легкой»** считалась смерть без сожаления о предстоящей кончине и с короткой, во временном отношении, предсмертной болезнью (Романова, 1992: 72). Представление, что смерть всегда находится рядом, отражает поговорка *түөрт уон араас моһолу мүччү түһэр* 'преодолевать ежедневно сорок разных опасностей, приравниваемых к смерти'; *киһи сырыттабына сылдыар* 'опасность подстерегает человека на каждом шагу' (букв. человек живет, пока позволено); **смерть последнего человека из семьи, не оставившего потомства**: *буруота сүттэ* (букв. дым его исчез), *уһун буруота быһынна* (букв. длинный дым его прервался). Смерть выражается в образе прекращения дыма, идущего из камелька юрты (балагана); **почитание предков, присутствующей еще язычеству**: *ийэтигэр-абатыгар барда* 'отправляться к праотцам' (букв. уходить к матери-отцу); *өбүгэлэргэр бар* 'умирать, отправляться к праотцам' (букв. уходить к праотцам); **представление смерти через различные реалии погребального обряда**, т.е. в составе фразеологизмов указываются те или иные погребальные сооружения и инвентарь: *чардаата сандаарда* 'лежать в могиле' (букв. крыша над могилой его заблестела), *кириэхэ килбэйдэ, чардаата сырдаата* 'умирать, быть погребенным' (букв. крест над ним блестит, крыша над могилой белеет).

Таким образом, можно сказать, смерть воспринимается как нечто неизбежное, предопределенное, и, следовательно, якутам предписывается сдержанное, спокойное отношение к моменту собственного и чужого ухода из жизни.

Исследование языковой репрезентации бинарной оппозиции ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ в ЯКМ позволяет сделать вывод о наличии универсальных механизмов представления о жизни и смерти, идиоэтнические компоненты данной оппозиции представлены, с одной стороны, как неизбежные и естественные явления, а с другой стороны, они наполнены неоднозначным к ним отношением.

Морально-этические концепты ДОБРО и ЗЛО являются одними из наиболее важных для любого этноса. Аксиологическая дихотомия «добро-зло» определяется антонимическими, но образующими единую смысловую парадигму концептами ҮТҮӨ 'ДОБРО'/МӨКҮ 'ЗЛО'.

В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского приводится следующее объяснение слову «добро»: *үтүө* (др.-тюрк. *ейдү* 'хороший, добрый; хорошо') [противоп. *куһаҕан*; ср. *үчүгэй*, 'хороший, добрый, прекрасный, монг. «едеге-» выздороветь] и выделяются следующие его значения: 1) хороший, прекрасный, знаменитый, знатный; важный; добрый, благой, приятный: *бастын үтүө* 'знатнейший'; *үтүөлэр* 'якутская знать'; *үтүө ат* 'добрый конь'; *үтүө доборум* 'лучший мой друг'; *үтүө киһи* 'хороший, видный, благородный, славный человек'; *үтүө көрүҥнээх* 'благовидный, красивый'; *үтүө сир* 'превосходное (лучшее) место'; *үтүө ыал*

'лучшая семья'; *үтүө-мааны буол* 'быть лучшим, почетным'; 2) честный; милосердный; 3) здоровый, благополучный; хорошо, легче (становится). *Үтүөбүн* 'я поправляюсь'; *үтүө[түк] оло-робун* 'благоденствую, блаженствую'; 4) доброе, добро, доброта. *Үтүөттэн үтүө тахсар ди-эбиккэ дылы* 'от добра добро и выходит'; *киһи өллөбүнэ үтүөтэ биллэр* 'когда умрет человек, тогда узнаются его достоинства (его величие)'; 5) благополучие, блаженство; 6) значительная часть, множество *мааны үтүөтүн маанылаа* 'оказывать величайший почет'; *ытыыр үтүөтүн ытаа* 'плакать в сильной степени, горько плакать'.

В якутской культуре высоко ценилось умение держать слово, быть верным своему слову, о чем свидетельствует пословица *Үтүө ат биир кымньылаах, үтүө киһи биир тыллаах* 'доброму коню достаточно одного удара кнутом, у хорошего человека – одно слово' (букв. добрый конь с одним кнутом, добрый человек имеет одно слово).

Якуты издавна дорожат своим именем. Это находит выражение в пословице *Үтүө аат баайдааҕар ордук* 'доброе имя лучше богатства'. Доброе имя в якутском народе понимается как нечто хрупкое, способное ломаться и не подлежащее восстановлению, что проявляется в выражениях *аата (аата-суола) алдьанна* 'опозориться, обесславиться, лишиться доброго имени' (букв. имя его сломалось).

В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского дано такое толкование лексеме «зло» («мөкү»): *мөкү (монг. «мабу, мабуи»* 'худой, гадкий') худой, дрянной, негодный, последний. *Мөкү баҕайы* 'безобразный, уродливый'; *мөкү киһи* 'негодный человек', *мөкү суол* мерзкое дело, прегрешение; *нэгэй мөкү* 'мерзость' (1959: 1603–1604).

Дополнительными признаками концепта ЗЛО являются *нэгэй быһыы* (плохой поступок), *сидьин* (мерзкий).

В значении пошлый *нэгэй* 'негодный, дурной, скверный, беспутный'; *нэгэй* сильнее, чем *куһаҕан*; мерзость (там же: 1686). Якуты выходящее из рамки дозволенного, непозволительного осуждают лингвокультуремой *нэгэй быһыы*: *ити баҕас, чахчы, нэгэй быһыы* 'это, действительно, мерзость'.

Сидьин (ср. тюрк. *сидик* моча, монг. *сидын*, тунг. *сиджинг*) 1. Мочащийся, испражняющийся в постели, сцыха. 2. Неряха, нечистоплотный; гадкий, поганый, противный, мерзкий; неприличный; *сидьин дьахтар* 'неопрятная женщина'; *сидьин өлүү* 'скверная болезнь, гадкая напасть'; *сидьин тыл* 'скверное, похабное слово'; *улахан сидьин ыарыы* 'чума' (Там же: 2207–2208).

В современном якутском языке слово «сидьин» утратило свои первостепенные значения «мочащийся» и «неряха», чаще употребляется сочетание *сидьин быһыы-майгы* 'мерзкое поведение', *сидьин киһи* 'подлец, гад, мерзавец'. Подлость в якутском языке репрезентируется культуремой *сидьин быһыы* 'подлость', которое также имеет синоним *чиччик быһыы* (перевод тот же) (ср. *чиччик* – урод, человек с физическим недостатком, безобразный человек). *Сидьин быһыы* также имеет синонимы *кэп, дьаабы быһыы* 'безобразный поступок', используемые для передачи возмущения.

В «Якутско-русском фразеологическом словаре» приводятся следующие фразеологизмы, в которых репрезентируется концепт ЗЛО: *Куһаҕан тыын буулаабыт* 'его неоступно преследует болезнь за болезнью, его замучила болезнь' (букв. злой дух преследует); *Куһаҕан эркиннээх* 'приносящий зло (человек)' (букв. имеющий дурную сторону). Ср.: *үчүгэй эркиннээх* 'приносящий добро (человек)'.

В «Сборнике якутских пословиц и поговорок» находим единицу, в которой выражается предостережение от *куһаҕан* (зла): *Куһаҕаны добордоспут куһаҕанна тиксибэт буолбат, хотонно кирибит саахха биһилибэт буолбат* 'Кто с худым подружится, не может быть не наделен худым, вошедший в хлев не может не замараться навозом'.

О злом, невыносимом человеке якуты говорят *өйө-санаата алдьанна* 'раздражаться, озлобляться, стать нетерпимым' (букв. разум сломался), в котором также фигурирует лексема *алдьан* 'сломаться'. Так, характер воспринимается якутами как нечто хрупкое, способное

ломаться. О наглом, бесстыдном, бессовестном человеке, человеке непристойного поведения говорят: *Маска баппат баџана атах, ыырга баппат ыаџас атах*.

Якуты о человеке, у которого злой умысел, говорят *хара санаа (лаах)* 'злые, дурные мысли; зловредность, стремление вредить кому-либо; злой умысел' (букв. черная мысль). Также в значении 'злосчастный, злополучный' употребляется фразеологизм *хара сордоох* (букв. с черным несчастьем). Грешного, греховного человека описывают *Муннугар харалаах* диал. (букв. с темным пятном на носу). *Муннугар харалааџын билинэн сангата суох сылдьар* 'ходит тихо, потому что осознает, что грешен'.

Бесстыжего человека, который не испытывает стыда за свою безнравственность, негодяя называют *буор сирэй* неодобр. (букв. земляная рожа). Плохого, дурного, злого человека сравнивают с собакой: *хара ыт* 'негодяй, мерзавец' (букв. черная собака); *ырдыгыныыр ыт* бран. 'хам'; *ыт сирэй* бран. 'мерзавец' (букв. собачья морда); *ыт иилэн ылбатынан* 'непристойными словами, последними словами' также связано с собакой (букв. что даже собаке не захочется есть).

Таким образом, антропоцентрическая направленность концепта ДОБРО характеризует такие моральные ценности (качества) человека, как стремление и умение творить добро, соответствие моральным принципам, доброту, душевность, скромность. Поэтому для носителей якутской лингвокультуры восприятие ценностей, связанных с концептом ДОБРО, варьируется от абстрактного понимания, интерпретируемого как высшая духовная ценность (положительное, моральное качество; положительное действие, поступок) до конкретных понятий (имущество, вещи; здоровье).

В языковой картине мира якутов концепт ЗЛО имеет следующие признаки: нечто дурное, вредное, греховное; проступок; неприятность, и соответственно, ЗЛО понимается как антиценность, противоположная добру.

Бинарная понятийная оппозиция «СВОЙ» и «ЧУЖОЙ» является, с одной стороны, одним из значимых принципов организации своего «Я» в освоении человеком окружающего мира, а, с другой стороны, способом проявления личной сферы «Я» в отношении к «чужим», не к своим.

Номинантами данной базовой категории в якутском языке выступают лексемы *бэйэ* (свой) – *атын*, туспа (другой), *туора*, тастын (чужой), которые являются репрезентантами бинарной оппозиции по отношению к кому-либо, к принадлежности к чему-либо.

Обращение к лексикографическим источникам якутского языка выявило, что репрезентанты данной оппозиции отличаются степенью смысловой наполненности дихотомии «свой – чужой». Например, «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского выявляет одно понятийное семантическое поле *чужой* несколькими неравнозначными лексемами *атын, туспа, тастын, туора*.

Атын (уйг. и др.-тюрк. адын) связано со значением 'иной', 'другой', 'посторонний', 'чужой', 'чуждый' в контексте отрицания кровного родства, признания принадлежности к другому роду, например, *миигиттэн атын* иной, другой, не я; *эһиги мин дьоммуттан атыттаргыт* - вы не мои сородичи, не одного со мною наслег; *атын дойдулаах* не здешний, переселившийся из другой страны; *атын төрүттээх* не здешний уроженец, чужеродный (Пекарский, 1958: 200).

Рассмотрение лексемы *атын* как репрезентанта бинарного противопоставления «свой-чужой» выявляет дифференциацию сем осознания своих другими, чужими по кровному родству, но принадлежащих к одному определенному социуму.

В организации оппозиции «свой – чужой» участвует и номинативная единица *туспа* (монг. «тусаџар») другой, особый, которая отдаляет «чужое» пространство от сферы своего «Я» семой отчужденности, отсутствия каких-либо отношений, связей, выстраивающихся во круг данной сферы. Например, *туспа дьон* можно интерпретировать не только как особенный

народ, актуализация семантики «чуждости» может быть связана в данном контексте и с отсутствием необходимого единства у говорящего в социальном аспекте.

Компонент «чуждости» содержится в значении лексемы *тастын*, актуализирующей противопоставление по признаку чужой, не принадлежащий к семейству; *тастын омук* иноплеменник; *миэхэ тастын* мне чужой; *тастын уруулара* отдаленные родственники, не принадлежащие к их семейству. Показателем репрезентации значения «чуждости» служит имплицитно локализованная внутрисловная сема *тас* (*тюрк.* таш, даш, тас наружная сторона, вне, снаружи), категоризирующая противопоставление на «своих» и «чужих» по родовому признаку, месту жительства, этнической принадлежности.

Значение чуждости присутствует во фразеологическом выражении фольклорного происхождения *Тастан киирбит таас уллунах* чужой, чуждый (*букв.* вошедшая извне каменная стопа). Данная единица является производной от пословицы *Таһыттан киирбит таас ытыс, туораттан киирбит туос уллунах* 'чужой, втершийся в доверие к хозяину дома, от которого домочадцам ждать добра не приходится (обычно это дальние родственники, экономка, наложница-ясырка, невенчанная жена' *букв.* вошедшая извне каменная ладонь, пришедшая со стороны берестяная стопа.

В сборнике «Якутских пословиц и поговорок» находим ту же единицу *Таһыттан киирбит таас уллунах, туораттан киирбит туос уллунах* с компонентом *уллунах* вместо *ытыс* в первой части выражения (*букв.* вошедшая извне каменная стопа, пришедшая со стороны берестяная стопа). Составитель Г. Е. Федоров значение пословицы трактует следующим образом: «Так говорят о человеке незнакомом, прибывшем неизвестно откуда, местные его не знают, не доверяют, питают к нему ненависть» (Федоров, 1963: 86).

В данных примерах семантическую информацию о «чуждости» содержит ядро компонентов *тас* 'вне, снаружи' и *туора* 'сторонний, чужой' в комбинации с лексемой *уллунах* (стопа) которое создает номинацию чужого объекта по индивидуализирующей внешней детали – в данном случае стопы в качестве обозначения человека, входящего извне, снаружи, со стороны.

Значимым для реализации оппозиции «свой – чужой» выступает вышеупомянутая лексическая единица *туора* (*тюрк.* тобра, тұра) 'сторонний, чужой'; 'чужие люди'; *туора киһи* 'сторонний человек'; *туора омук* 'иноплеменник'; *туора харахтаах* 'не свой, чужой человек'. Значение лексемы *туора* 'чужой' реализуется посредством семы непринадлежности к данному роду, считать его не своим ни по крови, ни по территориальному признаку. *Туора* в отличие от *атын* заключает в себе максимальное, предельное значение чужеродности в одной параметрической плоскости «чужой, но свой» и «чужой, не свой». Такой дифференциации особый смысл придает выражение *туора харахтаах* 'не свой, чужой человек' в «Словаре якутского языка» и фразеологическая единица *туора харах* 'чужой человек' (*букв.* чужие глаза) в «Якутско-русском фразеологическом словаре». В данном выражении заложен концептуальный базис вербализации бинарной оппозиции «свой – чужой» посредством лексемы *харах* 'глаз', являющейся не только обозначением органа, посредством которого человек получает информацию об окружающем мире, *харах* 'глаз' воспринимается как средоточие национально-культурного освоения действительности, в том числе ее ассоциативного моделирования в декодировании чужого, чужеземца как не своего, в котором, возможно, таится что-то опасное, недоброе, непривычное.

Номинантом «свой» в «Словаре якутского языка» является лексема *бэйэ* 'свой, собственный', в «Толковом словаре якутского языка» *бэйэ* 'свой' подкрепляется примером *бэйэ киһитэ* (*дьоно*) 'свой человек (свои люди)', а в «Якутско-русском фразеологическом словаре» имеется выражение *бэйэ киһитэ* в значении 'родной или связанный близкими отношениями человек, свой человек'. *Бэйэ* 'свой' формирует одно семантическое поле, в котором просматривается ядерное значение признания не своего своим не только по кровному родству и другим признакам, но и возможности считать абсолютно чужих, не своих своими по разным

причинам, например, по характеру поведения, по схожести элементов духовной и материальной культуры и по ряду похожих на своих маркеров. Таким образом, в выражении *бэйэ кихитэ* представлены компоненты ядерной и ближней периферии осознания, в первую очередь, своих своими, а потом и чужих своими.

Е. Ю. Кислякова, В. В. Соломина (2011: 73) предлагают интерпретировать данную лингвистическую проблему в терминах концептуальной триады «свой – чужой – иной» функционально маркированной как абстрактный конструкт, актуализирующийся в когнитивной сфере языковой личности в виде доминантных категоризованных оценочных отношений (свой – хорошо; чужой – плохо; иной – любопытно, интересно). Оппозиция «свой – чужой» трансформируется в оппозицию «свой – другой»: чужое воспринимается как иное, т.е. не несущее потенциальной опасности, а случае «свой – чужой» остается *чужое*, которое интерпретируется как враждебное, несущее потенциальную угрозу.

Исходя из анализа эмпирического материала, в языковом сознании представителей якутской культуры данная дихотомия квалифицируется по ряду присущих ей признакам тоже на «свой – другой» и «свой – чужой», что находит свое выражение в номинации *другого* как *атын*, а *чужого* как *туора*. Рассмотрение лексемы *атын* 'другой' выявляет дифференциацию сем осознания своих другими, но принадлежащих к одному определенному социуму, а значение лексемы *туора* 'чужой' реализуется посредством семы непринадлежности к данному роду, что значит считать его не своим ни по крови, ни по территориальному признаку.

Если сема «свойственности» – «чуждости» не присутствует в лексическом значении как компонент денотативного значения, то она в некоторых выражениях, в частности, в пословицах и поговорках, пронизывает денотативные и коннотативные компоненты целого.

Например, *Омук сирэ одурууннаах, өһүк сирэ өһүргэстээх* 'страна иноплеменика ухабиста, своя страна обидчива'. Слово *өһүк* (*тюрк.* ös, öz) Э. К. Пекарский объясняет, как свой, родной (родина), родня (1958: 1979). Денотативная природа показателя «чуждости» локализована в начальной части выражения, где содержится предупреждающий сигнал об опасности, о неизвестности, о заложенных в неведомом объекте чего-то страшного, отпугивающего, непреодолимого, т.е. чужбина таит в себе опасность, зло. Сведения о «свойственности» отражены во второй части как противопоставление к первому сценарию и содержат в себе толкование о родине как носителе значения принадлежности к своему роду, племени, в котором манифестируется психологическая установка на предупреждение о последствиях, связанных с отношением к нему в случае отдаления от места проживания (рождения), от родины, от своих, т.е. не следует покидать свои родные места.

Следующее выражение концептуально связано с предыдущим в плане пространственного, психологического отдаления от своих, от своего родного места:

Туораабыты тураах сиир, салыйбыты сарт сиир 'свернувшего (в чужбину) ворона клюет, отошедшего (от родины) коршун клюет'. В древние времена, когда население было еще реже, когда дороги, переправы и горные ущелья еще не были исследованы, когда хищный зверь кишмя кишел, когда христианство, суд и закон не обуздывали нравы, когда наездничество и кровавая месть были в обычае и на всякого чужака смотрели подозрительно, – тогда отлучка от родных мест действительно сопрягалась с громадным риском для жизни смельчака. Данная А. Е. Кулаковским интерпретация воспроизводит ту же установку на предупреждение «своих» о степени вероятной опасности, сопряженной с освоением чужой территории, адаптацией к другому социуму.

Семантика отчужденности содержится в синонимичном пословицном выражении *Элийбити элиэ сиир, быралыйбыты бырдах сиир* 'ушедшего в чужие края и коршун клюет, ушедшего в далекие края и комар кусает', категоризирующее смысловой компонент свойственности 'вместе' по признакам, предписывающим установку на возможные наказания, которые последуют, если представитель общности покинет свое обжитое место проживания, родных, родину.

В несколько ином смысловом ракурсе предстает единица *Kes ыта көгөс, суол ыта торбон* – 'собака кочевого обоза зла, собака у порога жадна (хищна)'. Так говорят о человеке, который будучи неместным, не имея ничего в своей собственности на данной территории, пытается вступать в спор с людьми со стороны. В данном выражении противопоставление «свой – чужой» можно толковать в плане оппозиции «коренной» 'местный' – «приезжий» 'неместный'.

По мнению А. Н. Серебренниковой, в каждом из этих слов отражена степень освоения пространства проживания, характер взаимоотношений с ним и населяющими его людьми. Так, являясь средоточием культурно значимого смысла «свой», слово «коренной» несет идею полноценного обладания человеком того пространства, которое было освоено и обжито им и его предками. В свою очередь, в словах, репрезентирующих понятие «приезжий», кумулировано представление об отрыве объекта номинации от своих истоков и его чуждости тому месту, которое он осваивает (Серебренникова, 2005: 22).

Оппозиция «коренной» 'местный' – «приезжий» 'неместный' несет в себе смысловые компоненты оппозиции «свой – чужой» на уровне «свой – иной» и «свой – чужой», другими словами приезжим (неместным) может быть как человек из соседнего села, так и гость из отдаленного места. Такая трансформация будет восприниматься с позиции «приезжий – иной, другой», не несущий потенциальной опасности, а случае «приезжий – чужой» сохраняется *чужое*, которое интерпретируется как несущее потенциальную угрозу. Поэтому распознавание «местного» и «иногo» и «чужогo» неместного может быть реализовано только исходя из самого контекста.

В целом, представление о своем и чужом находит свое отображение в каждой культуре, пронизывает каждую концептосферу носителя того или иного языка, выявляет вербальную особенность смысловой наполненности каждого члена данной оппозиции, формирует самоидентичность языковой личности путем противопоставления себя другим.

Таким образом, исследование якутской картины мира в аспекте членения действительности на «Жизнь/Смерть», «Добро/Зло», «Свое/Чужое» позволило выявить некоторые модели мышления, при помощи которых происходит категоризация мироустройства посредством языка. Языковая реализация оппозиции «Жизнь/Смерть» ориентируется на восприятие Жизни как явления, ограниченного во времени, скоротечного, а потому наделенного ценностными установками; о Смерти не принято говорить громко, хотя осознается как естественный процесс; ДОБРО и ЗЛО относятся к морально-этическим категориальным концептам любого этноса. В якутском языке они являются номинантами базовой категории для семантической дифференциации хороший / плохой. В ней можно выделить такие общие признаки концепта ДОБРО, как положительное, моральное качество; положительное действие, поступок; а концепт ЗЛО наделен такими признаками, как нечто дурное, вредное; проступок, неприятность. Оппозиция «Свой/Чужой» может быть трансформирована в оппозицию «свой – другой», когда чужое воспринимается как не несущее потенциальной опасности, а случае «свой – чужой» остается *чужое*, которое интерпретируется как враждебное, несущее потенциальную угрозу. В якутской культуре допускается признание абсолютно чужих своими по разным причинам, например, по характеру поведения, по схожести элементов духовной и материальной культуры и по ряду похожих на своих маркеров.

Список литературы

Большой толковый словарь якутского языка / общ. ред. П. А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 2010. – Т. 10. – 519 с.

Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса. На материале традиции саха. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.

- Кислякова Е. Ю., Соломина В. В. Концептуальная триада «свой – чужой – иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 3 (10). – С. 72–76.
- Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 212 с.
- Кулаковский А. Е. Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979.
- Нелунов А. Г. Фразеологизмы, связанные с погребальными обрядами и представлениями о смерти // Тюркские и северные языки. – Якутск: Изд-во СО РАН, 2002. – С. 188–198.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – Т. I. – 1280 с.; – 1959. – Т. II. – 2508 с.; – 1959. – Т. III. – 3858 с.
- Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – Т. 2, вып. 2 (54). – С. 127–131.
- Попов И. К. Якутские загадки, пословицы, скороговорки. – Якутск: Бичик, 2006.
- Романова Е. Н., Слепцов П. А., Колодезников С. К. Жизненный круг у якутов // Илин. – 1992. – С. 64–73.
- Сборник якутских пословиц и поговорок. Сост. Емельянов Н. В. – Якутск, Якуткнигоиздат. 1965. – 248 с.
- Серебренникова А. Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 30 с.
- Федоров Г. Е. Якутские пословицы и поговорки. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1963.
- Якутско-русский фразеологический словарь / Сост. А. Г. Нелунов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – Т. I. – 287 с.; – Т. II. – 418 с.

Готовцева Л. М., канд. филол. наук, старший научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Ул. Петровского, 1, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, 677027.

E-mail: Lingot@rambler.ru

Николаева Т. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой филологии.

Северо-Восточный Федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Ул. Белинского, 58, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, 677000.

E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Прокопьева А. К., канд. филол. наук, доцент кафедры якутского языка.

Северо-Восточный Федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Ул. Кулаковского, 42, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, 677000.

E-mail: alonachoo@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.08.2017

Gotovtseva L. M., Nikolaeva T. N., Prokopieva A. K.

BASIC BINARY CONCEPTS AS FRAGMENTS OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE YAKUTS' WORLD

The article focuses on the basic binary concepts LIFE / DEATH, GOOD / EVIL, OWN / ALIEN in the Yakut language. The aim of the study is to identify and describe the conceptual features that form the structure of basic binary oppositions in the Yakut language picture of the world. Conceptual analysis has allowed to identify and describe a set of differential signs of these oppositions as fragments of the language picture of the world.

Further study of binary oppositions is seen in the identification of their linguistic representation on the material of folklore, art texts and other Turkic languages.

Key words: Yakut language, a concept, binary opposition, conceptual analysis, a language picture of the world.

References

- Boljšojj tolkovihj slovarj yakutskogo yazihka [Big explanatory dictionary of the Yakut language] / red. P. A. Slepcev. – Novosibirsk: Nauka, 2010. – T. 10. – 519 s. (in Russian)
- Bravina R. I. Koncepcija zhizni i smerti v kulture ehtnosa. Na materiale tradicii sakha [The concept of life and death in culture of ethnos]. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 307 c. (in Russian)
- Kislyakova E. Yu., Solomina V. V. Konceptualjnaya triada «svoj – chuzhoj – inoj» v anglijskom i ruskom yazihkakh: teoretiko-metodologičeskij aspekt [A conceptual triad «own – alien – other» in the English and Russian languages: theoretician-methodological aspect] // Filologičeskie nauki. Voprosih terii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2011. – № 3 (10). – P. 72–76. (in Russian)
- Konstantinov I. V. Materialjnaya kuljtura yakutov XVIII veka (po materialam pogrebenij) [Material culture of Yakuts of the 18th century (on materials of burials)]. – Yakutsk: Kn. izd-vo, 1971. – 212 s. (in Russian)
- Kulakovskij A. E. Nauchnihe trudih [Scientific works]. – Yakutsk: Kn. izd-vo, 1979. (in Russian)
- Nelunov A. G. Frazеologizmih, svyazannihe s pogrebaljnihmi obryadami i predstavleniyami o smerti [The phraseological units connected with funeral ceremonies and ideas of death] // Tyurkskie i severnihe yazihki. – Yakutsk: Izd-vo SO RAN, 2002. – P. 188–198. (in Russian)
- Pekarskij E. K. Slovarj yakutskogo yazihka [Dictionary of the Yakut language]. – L.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1958. – T. I. – 1280 s.; – 1959. – T. II. – 2508 s.; – 1959. – T. III. – 3858 s.
- Pimenova M. V. Tipy konceptov i ehtapih konceptualjnogo issledovaniya [Types of concepts and stages of a conceptual research] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – Vipl. 2 (54), T. 2. – P. 127–131. (in Russian)
- Popov I. K. Yakutskie zagadki, poslovicih, skorogovorki [Yakut riddles, proverbs, tongue twisters]. – Yakutsk: Bichik, 2006. (in Russian)
- Romanova E. N., Slepcev P. A., Kolodeznikov S. K. Zhiznennihj krug u yakutov [A vital circle at the Yakuts] // Ilin. – 1992. – P. 64–73. (in Russian)
- Sbornik yakutskikh poslovic i pogovorok. [Collection of the Yakut proverbs and sayings] / Sost. N. V. Emeljanov. – Yakutsk, Yakutknigoizdat. 1965, – 248 s. (in Russian)
- Serebrennikova A. N. Dialektnoe slovo s semantikoj «svojstvennosti» – «chuzhdosti» (lingvokuljturologičeskij aspekt) [The dialectal word with semantics of «intrinsic» – «alien» (linguoculturological aspect): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2005. – 30 s. (in Russian)
- Fedorov G. E. Yakutskie poslovicih i pogovorki [Yakut proverbs and sayings]. – Yakutsk: YaNC SO RAN, 1963. (in Russian)
- Yakutsko-russkij frazeologičeskij slovarj [Yakut-Russian phraseological dictionary] / Sost. Nelunov A. G. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1998. – T. I. – 287 s.; – T. II. – 418 s.

Gotovtseva L. M., Ph.D. in Philology, Senior Researcher Lexicology of Yakut Language Department.

Russian Acad Sci, Siberian Branch, Inst Humanities Res&Indigenous Studies North.

Ul. Petrovskogo, 1, Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: Lingot@rambler.ru

Nikolaeva T. N., Ph.D. in Philology, Associate Professor of German Department,

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Institute of Modern Languages and International Studies.

Ul. Belinsky, 58, Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Prokopieva A. K., Ph.D. in Philology Institute of languages and culture of Peoples of the North-East.

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Ul. Kulakovskiy, 42, Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: alonachoo@mail.ru